

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Н. А. Иофан. Культура Древней Японии. М., 1974, 262 стр.

Хотя отдельным аспектам древней японской культуры, отдельным периодам ее развития в мировой японоведческой литературе посвящено немало статей и книг, до сих пор еще не было труда, который давал бы общий обзор всех компонентов японской культуры на ранних этапах ее развития. Эту задачу ставит перед собой данная книга.

Хронологически ее рамки ограничены, с одной стороны, неолитом, т. е. древнейшей эпохой, начиная с которой культура Японии доступна для более или менее детального изучения, а с другой — VIII веком. Это вполне правомерно, ибо VIII в., «эпоха Нара», как раз и представляет собой рубеж, отмечающий грань между древностью и средневековьем в Японии. Веком раньше еще сооружались курганы, еще не были созданы своды родоплеменных мифов и сказаний, а веком позже наступает «эпоха Хэйан», с ее расцветом типично раннесредневековой культуры, которая была еще ограничена в сущности узким придворным кругом, но которой предстояло в будущем стать фундаментальным пластом всей культуры японского народа.

Книга состоит из двух частей, также выделенных вполне логично и обоснованно. Первая часть, «Протояпонская культура и становление культуры Японии», заканчивается разделом «Первое японское государство Ямато и его культура», т. е. эпохой IV—V вв. В это время проникновение китайско-корейской культуры в Японию еще не было столь интенсивным, как позднее, еще не получила широкого распространения письменность, и соответственно данные письменных источников об этой эпохе еще не отличаются особой достоверностью, а основным источником информации остаются археологические данные. Вторая часть, «Культура Японии периода перехода от древности к средневековью», охватывает VI—VIII вв., т. е. эпоху интенсивного восприятия достижений материковой цивилизации, уже вполне достоверно отраженную в письменных источниках.

К числу несомненных достоинств книги относится то, что автор не ограничивается анализом отдельных элементов культуры и условий их возникновения, а стремится воссоздать духовный мир той отдаленной эпохи, мир тех концепций и представлений, которые составляют трудный для прочтения и сложный подтекст дошедших до нас немых культурных памятников.

Уже начиная разбор первого объекта своего анализа, керамики культуры дзёмон, автор справедливо, на наш взгляд, усматривает в ней наличие двух внешне противоречивых черт, присущих японской культуре на всем протяжении ее истории, а именно сочетание способности к активному усвоению привнесенных элементов и к обновлению культурного комплекса со способностью к сохранению основных, определяющих черт культуры, с определенным консерватизмом. «От своих далеких предков,— пишет автор на стр. 18,— японские керамисты унаследовали поразительную свободу обращения с материалом, глубокое проникновение в него, умение вдохнуть живую душу в свои изделия».

Существенную ценность имеют наблюдения Н. А. Иофана, показывающие, что и в орнаментике неолитической керамики, и в одновременных с ней мегалитических сооружениях отражены воззрения и идеи солнечного культа, те же, что и в позднейших синтоистских мифах об Аматэрасу, Идзанаги и Идзанами. Таким образом, эти представления не привнесены в Японию извне, а существовали еще в неолите. Показ преемственности как отдельных орнаментальных мотивов, так и общих идей, лежащих в основе художественной обработки керамики и других материалов, между неолитом и более поздними эпохами истории Японии составляет основную ценность данного раздела. Вместе с тем следует отметить, что, говоря о палеолите в Японии и вообще на Дальнем Востоке (стр. 6—8), автор допускает ряд неточностей и фактических ошибок. Они, правда, не имеют отношения к теме книги, так как палеолитического искусства автор не касается (его и нет в Японии), но все же досадны — таково отождествление докерамической культуры с палеолитической и устаревшая датировка протодзёмона, которая по новейшим данным стала древнее на два тысячелетия. Однако на ценность выводов и умозаключений автора эти ошибки не влияют, так как лежат вне основного русла ее рассуждений. То же относится и к весьма спорным идеям о том «накоплении рефлекса свободы» у отдельных групп древнейшего человечества при его расселении по земле, которое могло якобы сообщить культурам типа дзёмона (японского неолита) особую динамичность (стр. 12).

Более существенным недостатком данного раздела является то, что в нем почти ничего не сказано о «догу» — глиняных статуэтках эпохи дзёмон. Между тем без их анализа никакой обзор культуры японского неолита не может считаться полным.

Далее рассматривается уже культура периода яёи, преимущественно бронзовые колокола «дотаку». Параллельно анализируются мифы, археологические и исторические данные, относящиеся к этой эпохе, и вновь мы видим в ней определенную линию преем-

ственности между безгласной древностью и исторически достоверно известным временем. С конца III по начало VI в. в Японии существует культура раннеклассового государства Ямато (Н. А. Иофан условно определяет его как варварское королевство, что в общем справедливо). У археологов она называется культурой кофун (курганной). При анализе этой культуры основное внимание в книге уделяется формированию на основе неоднородных родоплеменных верований разных районов Японии единого религиозно-мифологического комплекса, который лег в основу раннего синтоизма. В рамках первого общепонского государства Ямато сложилась наиболее ранняя общепонская культура, завершился этногенез древнеяпонской народности.

Из художественных выражений этой культуры в книге разбираются главным образом глиняные украшения курганов — статуэтки ханива. Любопытно, что автору удалось псказать сходство некоторых образцов этой культуры с более поздними японскими театральными куклами. Некоторые статуэтки Н. А. Иофан сравнивает с фигурками вятской игрушки, и здесь стоило бы вспомнить, что и в японской народной игрушке бытуют фигурки такого же стиля и пропорций. Основной вывод этого раздела — констатация того, что общество эпохи финального этапа культуры кофун оказалось уже «вполне подготовленным к восприятию сложной культуры с континента и в том числе чрезвычайно насыщенной и детально разработанной буддийской иконографии» (стр. 82).

Мы уделили здесь особое внимание содержанию первого раздела книги, так как он наиболее важен именно с точки зрения этнографии и этногенеза. Второй раздел книги, посвященный разбору уже глубоко пронизанной континентальными, в частности буддийскими, влияниями культуры эпох Асука и Нара, основной в книге, занимает более двух третей ее. Здесь дан подробный очерк становления раннефеодальной структуры общества, тесно связанного с восприятием новой, поставленной на службу правящим классам этого общества религии. Очень подробно разобраны классические образцы японской храмовой архитектуры этого периода. Н. А. Иофан удачно отмечает включение специфических японских черт в заимствованный из Китая и Кореи комплекс архитектурных приемов. Менее убедительны параллели, которые автор пытается провести, например, между силуэтами некоторых пагод и культовыми объектами Океании (стр. 130, 131).

Интересны и страницы, посвященные живописи и скульптуре. Но наибольший интерес представляет здесь раздел, описывающий развитие театрально-музыкальной культуры этого периода. Это вообще тема, очень слабо разработанная даже в специальной японоведческой литературе.

Н. А. Иофан разбирает различные жанры представлений, такие, как мистерии кагура, танцевальная драма гигаку, а также более поздние формы театрализованных представлений — дэнгаку, бугаку и саругаку, показывает их соотношение и связи между собой, сочетание в их рамках традиционных японских элементов с элементами классического индийского, китайского и тибетского театра. Правда, влияние последнего, прослеженное в работах Нома Сэйроку, автор, на наш взгляд, несколько недооценивает. Очень детально и профессионально охарактеризованы черты японской музыки того времени.

В последних строчках заключения подытожена идея, красной нитью проходящая через всю книгу Н. А. Иофан: «Стадиальная зрелость культуры Японии заключается не только в ее восприимчивости, но и в способности отбора и преодоления чужеземных влияний. Японская культура демонстрирует эту способность даже в пору усиленного проповедью буддизма притока заморской культуры» (стр. 246).

В целом книга Н. А. Иофан написана на высоком научном уровне, с большим знанием предмета.

Тем более досадны отдельные мелкие ошибки и погрешности, довольно многочисленные на ее страницах, — неточные формулировки, неверные образцы транскрипции. Например: «китайский линейный орнамент, так называемый таотё» — речь идет, очевидно, о таоте, одной из фигур китайского криволинейного орнамента (стр. 28); на стр. 208 дерево павлония (широколиственное, с легкой мягкой древесиной) названо японским кипарисом и т. п.

Но все эти погрешности не носят принципиального характера и не мешают дать книге в целом весьма высокую оценку. Она представляет большую ценность и для специалистов, и для широкого читателя. Ценность ее могла бы быть повышена тем довольно многочисленным иллюстративным материалом, который в нее включен (фотографии архитектурных памятников, скульптур, живописи, сосудов), но, к сожалению, качество типографского воспроизведения этих фотографий оставляет желать много лучшего.

С. А. Арутюнов